

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ЭО, 2006 г., № 3

© С.А. Арутюнов

ПАМЯТИ ЮРИЯ ИСРАЭЛОВИЧА МКРТУМЯНА

Осенью 2005 г. с интервалом в два месяца ушли из жизни двое ученых, сыгравших наибольшую роль в становлении современной школы армянской этнографии, этнографии второй половины XX в., такую же роль, какую в первой половине этого века и в конце XIX в. играли Е. Лалаянц и С. Лисициан. Это Дереник Суренович Вардумян (1.2.1923–11.9.2005) и Юрий Исраэлович Мкртумян (1.1.1939–12.11.2005). Эти люди положили всю свою научную жизнь на создание школы учеников, на создание большого отряда армянских профессиональных этнографов. Они жили не для себя, а для науки, для Родины, для молодежи, для других, поэтому оба так и не удосужились защитить докторские диссертации и всю научную жизнь оставались кандидатами исторических наук. Но по объему сделанного ими, по объему знаний, по объему воздействия на сознание этнологов и антропологов не только Армении, но и других регионов нашего некогда общего Отечества они находились, несомненно, на

уровне ведущих ученых других исторических дисциплин. С их кончиной в истории армянской этнографии завершилась целая эпоха.

Этот очерк посвящен Юрию Исраэловичу Мкртумяну. Я пишу его не как некролог. Недавно вышла в свет замечательная книга "Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи". В ней имеется прекрасный очерк о Степане Даниловиче Лисициане. Тогда, к моменту ее выхода, Д.С. Вардумян и Ю.И. Мкртумян были живы и деятельны. Сейчас, когда их уже с нами нет, этот очерк был бы уместен не в разделе, посвященном памяти ушедших, а в книге об истории нашей отечественной науки, о выдающихся лицах этой истории. Именно с таких позиций я этот очерк и пишу.

Юрий Исраэлович Мкртумян был личностью исключительно многогранной. Велики его чисто научные заслуги (список его работ можно посмотреть на сайте журнала "Этнографическое обозрение"), скажу лишь, что его труды посвящены были детальнейшему и всестороннему разбору роли скотоводства и животноводства в армянской традиционной производственной культуре, внес он значительный вклад и в региональную этнографию Армении. Последние годы занимался изучением национальных и конфессиональных меньшинств Армении вместе с довольно большим отрядом своих младших товарищей-друзей и учеников. Велик его вклад и в общую теорию этнографии. Вместе с Эдуардом Саркисовичем Маркарянном и при некотором участии автора этих строк, но

Сергей Александрович Арутюнов – член-корреспондент РАН, профессор, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН.

главным образом именно Ю.И. Мкртумяном было задумано и осуществлено исследование эволюции армянской сельской культуры на протяжении двух первых третей XX в. Книга "Культура жизнеобеспечения и этнос" вошла в золотой фонд отечественной науки. Это можно видеть хотя бы по тому, как интенсивно она цитируется.

В качестве доклада на сессию антропологов и этнографов в Ереване Юрий Исраэлович представил небольшую статью (*Мкртумян 1978*), в которой нарисовал "цветок культуры" (название это за ним закрепилось уже позже), где предложил членение культуры этноса на четыре подраздела: производственную, жизнеобеспечивающую, соционормативную и гуманитарную. Это членение было принято большинством советских этнографов, и с тех пор кочует из книги в книгу, из статьи в статью.

Однако помимо чисто научных, научно-исследовательских, фактологических и теоретических работ, еще большее значение, на мой взгляд, имела вузовская деятельность Мкртумяна. Он долго работал сначала на кафедре этнографии, археологии и источниковедения, потом, когда выделилась кафедра этнографии, был ее почти бессменным заведующим. Кафедра выпустила много когорты студентов-этнографов, часть из которых стала весьма заметными личностями как в научной, так и в общественно-политической жизни Армении. Можно назвать такие имена, как Грануш Харатян-Аракелян, Завен Харатян, Артур Мкртчян, Амбарцум Галстян (трое последних тоже, увы, уже покойные) и много других.

Юрий Исраэлович многие годы руководил экспедиционным отрядом ХАГ (Хамалсарани азгагракан гитаршав, т.е. Университетский этнографический экспедиционный отряд). Это была регулярно, каждый летний сезон действующая экспедиция, которая имела целью дать навыки полевой работы и собирала интереснейший фактический этнографический материал, потом отражавшийся в студенческих дипломных работах, а подчас в дальнейшем и в диссертациях. ХАГ был явлением уникальным, нигде – ни в Советском Союзе, ни за рубежом я не знаю примера такого великолепно организованного, эффективного, интенсивно работающего научного коллектива. Я могу судить об этом, потому что сам принимал в его работе участие и видел, что неплохие студенты-четверокурсники, попадавшие в ХАГ временами из других университетов, работали на подхвате и учились практике полевой работы у ереванских студентов-второкурсников. ХАГ собирал материалы днем, а вечером – каждый вечер – проходило нечто вроде импровизированной научной конференции, где делались краткие доклады о собранном материале, обобщающие доклады по какой-либо теме, скажем, за неделю, построенные по модели мини-защиты диссертации или диплома с серьезным научным обсуждением.

Помимо этого Юрий Исраэлович был великолепным менеджером, непрестанно заботившимся о благополучии своих студентов, чтобы они были устроены комфортно, чтобы они всегда имели качественную и вовремя поданную еду. Конечно, были дежурные по кухне, но нередко в той или иной деревне нанималась и кухарка, так что и в отношении материального обеспечения ХАГ представлял собой на редкость хорошо организованную экспедицию. При этом Юрий Исраэлович был очень требователен к дисциплине в отряде. Помню, когда один раз мы приехали в деревню и не сразу могли устроиться, а ужин запаздывал, парочка включенных в состав ХАГа аспирантов решила пойти купить где-то лепешек и простокваши и не дожидаться общего ужина, а закусить отдельно от других; Юрий Исраэлович отправил их в Ереван на следующее утро первым же рейсовым автобусом и в дальнейшем никогда к работе в ХАГе не допускал.

Более всего хотелось бы в этом очерке сказать об общественной, политической стороне жизни и деятельности Юрия Мкртумяна, поскольку эта сторона наименее известна, практически никак не освещена в письменных печатных источниках. Со студенческих лет Юрий Исраэлович был сначала комсоргом, потом членом КПСС, но в рамках КПСС он был своего рода белой вороной, "партийным диссидентом", боровшимся с лицемерием крупных партийных боссов, отстаивавшим демократическую линию в развитии партийной политики, подчас на грани фола. Настоящее время для развертывания

его общественно-политической деятельности наступило с перестройкой, когда свои демократические взгляды он смог воплотить на практике.

Ю.И. Мкртумян становится секретарем парторганизации всего Ереванского университета. Это был весьма существенный и значительный номенклатурный пост. В дальнейшем он был членом ЦК КПСС во всесоюзном масштабе и даже членом Бюро ЦК (это аналог Политбюро) Компартии Армении. Бюро ЦК состояло всего из 8 человек, так что можно сказать, что в 1990–1991 гг. (последние годы существования СССР) Ю.И. Мкртумян был одним из самых влиятельных политических персонажей Армении. Чуть позже я несколько подробнее расскажу, как он использовал это влияние, а здесь хочу подчеркнуть одно обстоятельство: все, кто до него занимал пост парторга Университета – разные люди, многие из них вполне достойные – не избежали соблазна использовать так или иначе возможности, которые предоставлял этот высокий пост для некоторого улучшения своего материального положения: по крайней мере, все обзавелись прекрасными квартирами в центре Еревана. Только Ю.И. Мкртумян никак не использовал этот пост для себя, и в свой последний путь он отправился из той же крохотной двухкомнатной квартирki в непрестижном Третьем Норкском массиве Еревана, которую получил 40 лет назад от Академии наук Армении, когда, приехав после защиты диссертации в МГУ в Ереван, стал младшим научным сотрудником в системе Академии наук. Как он получил эту квартиру, так он в ней и жил до конца своих дней.

О том, как он использовал свое положение парторга, а в дальнейшем члена Бюро для того, чтобы принести пользу людям, можно было бы сказать много, но объем статьи этого сделать не позволяет. Приведу лишь несколько примеров. Когда в конце 1988 г. произошло ужасное спитакское землетрясение, в первые же часы Ю.И. Мкртумян мобилизует студентов, останавливает рейсовые городские автобусы. Все понимают необходимость этого. Студенты забивают эти автобусы, и автобусы идут в Ленинкан. И там эти наспех организованные студенческие отряды оказывают пострадавшему населению первую помощь, разбирают те завалы, которые можно было как-то разобрать вручную, до прибытия тяжелой техники, спасают какое-то количество людей. К сожалению, так, вручную, спасти можно было лишь очень немногих, но тех, кого можно было спасти, эти экстренно мобилизованные студенческие отряды спасли.

Наступает время, когда реакционные партийные круги предпринимают попытку контрнаступления, и в частности наступления на комитет "Карабах". Члены комитета "Карабах" подвергаются аресту, а в Ереван посылается своего рода оккупационно-карательный корпус под командованием Альберта Макашова. Особых эксцессов в этой связи не происходило: ереванцы проявили дисциплину и выдержку. Макашовцы патрулировали улицы, но придаться им было не к чему. Тем не менее А. Макашов решил как-то начать репрессии по отношению к армянской интеллигенции. И вот к парторгу университета Ю.И. Мкртумяну являются трое устрашающего вида полковников и говорят: «Товарищ Мкртумян, Вы руководитель парторганизации, Вы должны нам помочь. А именно: предоставьте нам списки тех профессоров и преподавателей, которые симпатизируют комитету "Карабах", которые его поддерживают». «Хорошо, – говорит Ю.И. Мкртумян, – но, Вы понимаете, парторганизация университета очень большая и профессура как в партии, так и вне партии очень многочисленная. Прямо сейчас я вам такого списка дать не могу. Приходите ко мне завтра в 2 часа, и тогда мы поговорим. Тогда я что-то подготовлю». «Спасибо, хорошо». Полковники уходят.

На следующий день в 2 часа дня являются, Ю.И. Мкртумян ведет их в актовЫй зал. Они входят в актовЫй зал. АктовЫй зал битком набит: он созвал туда практически всю профессуру, весь преподавательский состав университета, кто в это время был доступен. И говорит: «Дорогие коллеги, эти полковники пришли вчера ко мне с просьбой дать им список тех профессоров и преподавателей, которые поддерживают комитет "Карабах". Я полагаю, что все, собравшиеся здесь, поддерживают комитет "Карабах". Кто не поддерживает, может выйти. А те, кто поддерживает, останьтесь, пожалуйста,

на местах. Товарищи полковники нас всех тут и перепишут». Естественно, полковники багровеют, матерятся, как они привыкли это делать по примеру своего начальника, "бравого генерала" (он этим хорошо известен), и пулей вылетают из актового зала. Больше попыток составлять списки неблагонадежных генерал Альберт Макашов не предпринимал.

В дальнейшем выросшее из комитета "Карабах" Армянское общенациональное движение (АОД) большой благодарности по отношению к Ю.И. Мкртумяну не проявило. Когда наступило время парламентских выборов, где АОД захватил практически всю полноту власти, им вовсе не нужен был в парламенте такой независимый, неуправляемый левосоциалдемократических взглядов политик, каким был Юрий Мкртумян. Он выставил свою кандидатуру в парламент, проходили предвыборные собрания, на этих собраниях АОД организовал против него массу провокаций, клеветнических выступлений, поливал его грязью и, мне кажется (не помню точно), Ю.И. Мкртумян вообще отказался и снял свою кандидатуру с парламентских выборов. Доказывать, что он не верблюд, он не собирался.

В дальнейшем правительство Левона Тер-Петросяна все-таки оценило талант Ю.И. Мкртумяна, отошло от первоначально взятого курса на определенную политическую конфронтацию с Россией, вернулось к естественной и единственно возможной в условиях Армении идее тесного политического и стратегического сотрудничества с Россией, и тогда Ю.И. Мкртумяну был предложен пост первого чрезвычайного и полномочного посла Республики Армения в Российской Федерации. До того момента посла не было, а был только временный поверенный в делах, так что Ю.И. Мкртумян был первым послом Армении в России.

На этом посту Ю.И. Мкртумян очень много сделал прежде всего для того, что считал необходимым: выстроить прочное, надежное долгосрочное стратегическое партнерство Армении и России. Он способствовал тому, что в Армении была создана база российской армии, и тем самым Армения получила надежную защиту против возможного нападения внешнего агрессора, которому пришлось бы уже иметь дело не только с армянской, но и с российской армией. И во многих других отношениях Ю.И. Мкртумян очень много способствовал благоприятному развитию армяно-российских отношений в выгодном для обеих стран дружественном направлении.

Когда истек срок его посольских полномочий и происходила ротация послов, Ю.И. Мкртумяну предлагались другие столь же значительные посольские и вице-министерские должности, но он посчитал свою задачу выполненной, от этих должностей отказался и вернулся к заведованию кафедрой этнографии на истфаке Ереванского госуниверситета.

Когда мы листаем летопись истории, мы видим, что большинство ее страниц запятнано кровью и грязью, предательством и подлостью, и, если с момента этих событий прошло достаточно много времени, как правило, мы знаем, кто является виновником этих грязных и кровавых пятен. Но иногда нам попадаются и чистые страницы, лишенные пятен. И вот тут-то чаще всего мы не знаем, почему этих пятен нет, мы не знаем того, что на самом деле они могли бы быть, они едва не появились, но нашлись люди, которые воспрепятствовали их появлению. Вот эти-то люди, предотвратившие запятнание кровью хотя бы некоторых страниц нашей истории, как правило, чаще всего остаются неизвестными. К их числу принадлежал и Юрий Мкртумян. Об этой истории мало кто вообще знает. Он мне ее рассказывал, так сказать, *sub rosa*, конфиденциально. Я думаю, что настало время, когда ее должны знать все.

Когда в 1991 г. к власти пришло правительство Левона Тер-Петросяна, Компартия Армении и ее руководство не хотели эту власть просто так, без боя и борьбы, сдавать. Такого рода пароксизмы агонии умирающего коммунистического советского режима имели место повсюду, последним из них был ГКЧП, путч в Москве в августе 1991 г. До этого был Вильнюс, еще раньше был Тбилиси, потом Рига. Пароксизмы агонии уходя-

щей власти в Тбилиси обошлись в 20 жизней, в Вильнюсе – в 13 жизней, в Риге – в 4 жизни, в Москве – в 3, и то по нелепой случайности. В Армении кровью за эти последние цепляния заплачено не было. Но это могло случиться. Могли быть жертвы, исчисляемые даже не десятками, как в Тбилиси, а, наверное, сотнями человек. И в том, что этих жертв не было, есть заслуга Юрия Мкртумяна.

В начале мая 1991 г. президент Армении Л. Тер-Петросян издал указ о национализации имущества Коммунистической партии Армении. Подчиняющиеся ему параармейские вооруженные формирования вошли в здания, принадлежавшие Коммунистической партии Армении, в ЦК, горкомы, райкомы и другие помещения. Довольно грубо, не встретив сопротивления милицейской охраны, они выгнали оттуда и партийных функционеров, и технический персонал, т.е. машинисток, уборщиц, не разрешив взять даже авторучки со столов и бумажки с записями и заметками; опечатали здания и поставили у них вооруженную охрану.

Перед лицом таких действий Бюро Коммунистической партии Армении собралось, так сказать, на конспиративной квартире, и поскольку в КГБ Республики оставалось немало людей, более лояльных Коммунистической партии, чем президенту, то с их помощью была установлена прямая телефонная связь с Москвой, с ЦК КПСС, конкретно со вторым секретарем ЦК КПСС Олегом Шениным. Узнав о произошедшем, О. Шенин предложил Бюро КПА: "Вы только обратитесь с просьбой о помощи, но обращение должно быть. Хотя бы телефонограмма. И мы тогда вышлем вертолетный десант спецназа, который спустится в Ереване, разоружит этих параармейских воинов, сейчас охраняющих конфискованные здания, и водворит вас обратно в эту вашу недвижимую собственность".

И надо сказать, что большинство членов Бюро Коммунистической партии Армении ухватилось за эту идею и сказало: "Да, давайте обратимся в ЦК КПСС, обратимся к О. Шенину, пускай пришлют спецназ, пускай восстановят нас в наших правах". Только Юрий Мкртумян категорически выступил против того, чтобы обращаться в ЦК КПСС с такой просьбой. Он объяснил, что в этом случае, в случае высадки вертолетного десанта спецназа, на улицах Еревана неизбежно возникнут перестрелки, уличные бои, в которых пострадают не только вооруженные люди с обеих сторон, но и просто случайные прохожие и гражданские лица, что прольется кровь, что жертвы будут исчисляться десятками, а то и сотнями, что это, в общем, "будет преступление, которое нам, членам Бюро ЦК КПА, история и армянский народ никогда не простят".

В течение целого дня шли споры, несколько раз Шенин звонил вновь и вновь. В конце концов обращения о присылке спецназа не последовало, и Шенин заявил, что дело уже к вечеру, готовые к вылету вертолеты возвращаются на стоянки, подразделения спецназа возвращаются в казармы, и весь этот план отменяется. Таким образом, страница нашей истории, которая могла бы оказаться густо заляпана кровью, осталась чистой – благодаря пронизательности и твердости Ю.И. Мкртумяна.

Надо сказать, что даже по чисто внешним параметрам Юрий Исраэлович идеально подходил для должности посла: всегда подтянутый, элегантный, тщательно причесанный, неизменно с подобранным со вкусом галстуке, очень импозантный, он держался с большим достоинством. Манеры его были безупречны. Часть раннего детства он провел в Германии, где отец его, офицер советской армии, был военным комендантом небольшого городка в Верхней Саксонии. Маленький Юра свободно играл с немецкими ребятами, жившими по соседству, бегал с ними купаться на Эльбу. По-моему, он даже прошел один или два класса начальной школы там, в Германии, но в основном он учился в школе в своем родном Тбилиси, куда вернулась семья через несколько лет после окончания войны.

Окончив школу в Тбилиси, он учился на истфаке МГУ, на кафедре этнографии, защитив на ней же кандидатскую диссертацию, немедленно поехал в Ереван и был там сразу принят младшим научным сотрудником сначала в Институт археологии и этногра-

фии Армянской академии наук, затем вскоре оттуда перешел преподавателем (позднее доцентом) в университет. На разговорном уровне Юрий Исраэлович мог неплохо изъясняться по-немецки, по-английски, по-грузински, по-азербайджански, а на литературном уровне русским и армянским он владел одинаково безукоризненно в полном совершенстве. Был прекрасным оратором, на застольях ему, как правило, доставалась должность тамады. Был человеком остроумным и блестящим.

Меня всегда впечатляла его речь, в любой обстановке остававшаяся безупречно правильной, корректной, абсолютно без каких-либо элементов вульгаризмов или просторечия. Иногда это казалось даже несколько излишней церемонностью, и как-то я ему сказал: "Юра, мы столько лет знакомы, но ты продолжаешь говорить со мной и со своими ближайшими друзьями так, как если бы ты говорил на дипломатическом приеме. Такая церемонность! Неужели нельзя сказать, как все мы друг другу говорим...". И тут я привел в качестве примера несколько сленговых и не вполне нормативных выражений. Ответ Юрия Исраэловича меня поразил. Встав в довольно картинную позу, он сказал: "Сергей Александрович, не забывайте, что я прошел довольно хорошую тифлисскую хулиганскую школу. Все эти слова и выражения, которые Вы изволили употребить, я знаю хорошо, и, в принципе, теоретически я мог бы их употреблять тоже. Мое образование мне это позволяет. Но мое воспитание мне этого не позволяет".

Если добавить, что Юрий Исраэлович был прекрасным танцором, а в молодости также мастером спорта по классической борьбе, то станет понятным, что женским вниманием он обделен не был. Несмотря на это, а может быть, именно поэтому, в отличие от двух своих младших братьев, он так и не женился, не создал своей семьи. Несколько раз имели место попытки, планы это сделать, но всякий раз в последний момент что-то мешало, что-то заставляло отложить решающий шаг до более подходящего времени, которое так и не наступило.

То же самое относится и к защите им докторской диссертации. Диссертация эта была готова давным-давно. Я прекрасно знаю, что она была готова, я читал ее черновой вариант еще в 1978 г.

Однако Юрий Исраэлович, будучи очень требователен к студентам и коллегам, был сто раз более требовательным к себе, и ему все время казалось, что чего-то в этой диссертации не хватает, что не достаточно полноценных публикаций, и т.д. и т.п. Из года в год где-нибудь в апреле, когда я приезжал с лекциями в Ереван, он торжественно клялся мне, что не пройдет и года, как диссертация будет представлена в полном порядке. И на следующий апрель повторялось то же самое с еще более горячими клятвенными заверениями и подробными объяснениями, почему неожиданным образом в этом году завершить диссертацию не удалось. И так шло из года в год.

Вообще Юрий Исраэлович был всегда чрезвычайно занят. И занят он был делами, очень нужными всем, но никогда не теми делами, которые в первую очередь нужны были ему самому. Всегда о ком-то или за кого-то хлопотал, что-то кому-то устраивал, помогал, способствовал, организовывал. Иногда это были родственники (одних двоюродных братьев и сестер у него было несколько десятков, кроме того, заботы требовали и родители, и младшие братья), иногда – многочисленные друзья и сослуживцы, у которых что-либо по какой-либо причине не ладилось. В общем, кто угодно. Как однажды с горечью сказала мне женщина, которая бесконечно много сделала для его жизни в период болезни, и на чьих руках, по существу, он и скончался: "О ком позаботиться и похлопотать, он всегда найдет".

В числе спецкурсов, которые я читал в Ереванском университете, довольно значительное место занимали курсы, так или иначе посвященные различию между культурами Запада и Востока. По моему мнению, одним из самых существенных среди этих различий является то, что западная культура – это в основном культура индивидуализма, тогда как восточные культуры при всем своем разнообразии – это в основном культуры коллективизма. К сожалению, по этикетным соображениям я не мог прямо указать на

заведующего кафедрой Ю.И. Мкртумяна как на классический образец носителя восточной культуры. А жаль! Потому что более яркий пример найти было трудно. Индивидуализм был абсолютно чужд Юрию Исраэловичу, а глубокий все проникающий коллективизм являлся основой его характера, основой его жизненных устоев.

Будучи человеком, вполне приобщенным к европейской культуре, тем не менее он высоко чтит все традиционные армянские культурные ценности, которые, на мой взгляд, достаточно близки конфуцианским. Это высокое уважение к церемонности, возрастной и иерархический этикетный пиетет, соответствие имени и сущности, важность ритуальных семейных отношений не только между близкими, но и между дальними родственниками и т.д. Учитывая весьма широкий круг его родственников, необходимость, по его мнению, так или иначе принимать участие в их судьбах, в их заботах, проблемах и порой злключениях, естественно, занимала у него очень много времени и сил. Но кругом родственников заботы Юрия Исраэловича не ограничивались. Он не только заботился о своих студентах, пока они были в университете, но продолжал не выпускать из поля своего внимания, следить за их карьерой, беспокоиться об их успешности и многие годы после того, как они кончали университет и становились уже вполне самостоятельными и самодостаточными людьми.

В Москве мы живем в многоэтажных домах и часто не знаем толком ни имени, ни тем более места работы и круга интересов своих соседей по лестничной площадке. То же самое можно наблюдать и в странах Запада. Но социология ереванского многоэтажного дома, в принципе, как правило, совершенно иная. А уж социология того подъезда, в котором жил Юрий Исраэлович, была своего рода апогеем армянского традиционного коллективизма. Правда, когда этот дом заселялся в середине 1960-х годов, новые квартиры в нем получили люди более или менее сходного социального профиля. Это были учителя, инженеры, работники госучреждений среднего уровня, к тому же в основном люди молодые, не столь давно окончившие высшие учебные заведения и, за исключением самого Юрия Исраэловича, совсем недавно обзаведшиеся семьями.

В пятиэтажках ереванских городских окраин вообще люди живут довольно дружно. Все жители дома более или менее знают друг друга, а жители одного подъезда – 12-15 семей – знают друг друга особенно хорошо. Время от времени в наугад выбранные 7 соседских семей хозяйка какой-нибудь квартиры разносит листы лаваша с завернутыми в них кусками вареного мяса барана, принесенного в жертву высшим силам по какому-то семейному поводу. Да, впрочем, и без всяких поводов и церемоний, если хозяйке кажется, что она сварила или испекла что-то особенно вкусное, она часто может отнести в одну-две соседские семьи пару порций приготовленного блюда. Нередко соседей могут пригласить просто к ужину без какого-либо особенного повода. А уж в обрядах перехода, будь то свадьба, крестины и особенно поминки, в той или иной мере участвует не только весь подъезд, но и весь дом.

В более или менее ухоженных садах-дворах между домами есть беседки или загородки. Иногда мужчины подъезда, собравшись вместе, могут там жарить шашлык. Очень часто просто сидят и, точно так же, как в Москве они резались бы в козла, играют в нарды – по очереди двое играют, а 6-7 остальных стоят вокруг, смотрят и мешают комментариями и советами.

В подъезде, где жил Юрий Мкртумян, эти соседские связи, в особенности среди 7-8 наиболее тесно связанных изначально поселившихся там семей, были особенно близкими. И можно сказать, что эти соседские семьи образовывали нечто вроде общины. Не проходило недели, чтобы в какой-нибудь из квартир все или почти все главы семей не собрались вместе выпить, перекусить, поиграть в нарды, просто пообщаться. Взаимные угощения, приглашения были постоянным делом. Несомненно, взаимопомощь, в особенности в случае болезни или какой-либо другой проблемы, была здесь гораздо более глубокой и серьезной, нежели просто взаимное угощение и совместное времяпрепровождение. И центром всей этой деятельности был, конечно,

Юрий Мкртумян, с его неизбывной доброжелательностью и кипучей организаторской энергией.

Подрастали дети, и они тоже рассматривали эту соседскую общину почти как одну большую семью, и уже гораздо позже, когда многим из них было за тридцать или под сорок, когда у них уже были свои семьи, жившие где-то в других местах, приходя навесить своих родителей и друзей, они продолжали обращаться к Юрию Мкртумяну "дядя Юра". И это было не просто формальное обращение. Они действительно видели в нем своего дядю, своего близкого родственника.

К сожалению, большинство глав этих семей, мужчины примерно одного с Юрием Исраэловичем возраста, где-то плюс-минус 3–4 года, почти все, кроме одного человека, ушли из жизни даже раньше, чем он сам. Сказались чрезвычайно тяжелые условия: голод, холод, тревоги, лишения, депрессии страшных блокадных лет начала 1990-х годов. Мало кто отдает себе отчет, что в это время, в 1992–1994 гг., условия жизни в Ереване, особенно зимой, не так уж сильно отличались от условий жизни блокадного Ленинграда. Мало кто умер непосредственно от голода, но от недоедания, истощения, холода, пневмонии, непомерных нагрузок, сердечных приступов, преждевременных инсультов и тому подобных причин умерли очень многие из взрослых мужчин, на чьи плечи главным образом и ложились эти тяготы, так что в основном в последние годы в этих кварталах оставались только вдовы, и кое-где жившие вместе с матерями женатые дети. Но дух традиционной большесемейной общины продолжал оставаться в этом подъезде. Конечно, такая соседская социальная активность отнимала у Юрия Исраэловича немало времени и сил, но он считал необходимым отдавать ей значительную часть своей жизни. Остальное же время, и это очень часто бывало по ночам, порой до 6 утра, он сидел за чтением или стучал на довоенного образца, но содержавшейся в идеальном состоянии немецкой пишущей машинке. Затем, послав час–полтора, как ни в чем не бывало он тщательно брился, вдумчиво подбирал и повязывал галстук, и придав себе свежий и безупречно элегантный, подтянутый вид, отправлялся в университет читать очередную лекцию.

Начиная с 1995 г., с переходом Карабахского конфликта в латентную фазу, началось медленное, но неуклонное восстановление армянской энергетики, инфраструктуры, экономики в целом, возвращение к более или менее нормальным условиям национальной и государственной жизни. Находясь в это время на должности посла в России, Юрий Исраэлович немало сделал для того, чтобы обеспечить содействие этим процессам национального возрождения. Однако к концу 1990-х годов, и особенно в начале 2000-х, явственно обозначились и параллельные негативные тенденции – повсеместный рост коррупции, концентрация реальной власти в руках местных "олигархов", продолжающаяся и углубляющаяся стагнация бедности, особенно среди сельского населения. Со свойственным ему гражданским равнодушием Ю.И. Мкртумян принимал близко к сердцу эти негативные стороны современной действительности Армении, размышлял над тем, как он лично может им противостоять. В результате он решает выдвинуть свою кандидатуру на выборах в парламент летом 2003 г. от Дилижанского избирательного округа.

Дилижанский округ – "малая родина" Ю.И. Мкртумяна. В здешних селах живет большинство его родственников и их друзей, здесь "клан" Мкртумянов со времен гражданской войны пользовался всеобщим уважением и авторитетом. Но времена изменились. Основная борьба за мандат развернулась между "пивным королем" и "королем асфальта". Ю.И. Мкртумян, который с трудом находил средства даже для аренды помещения под предвыборный штаб, не мог состязаться с такими финансовыми китами, не жалевшими денег для скупки голосов, и остался аутсайдером. Огромная затрата сил в предвыборной кампании, эмоциональные перегрузки и стрессы, последующее разочарование, видимо, сделали свое дело – в августе 2003 г. он перенес тяжелый инсульт. Он героичес-

ки боролся с болезнью, сумел на какое-то время восстановить свои силы настолько, что даже возобновил чтение лекций, но второй инсульт оказался фатальным.

Я нарочно сосредоточил свое внимание в этом очерке не на научных аспектах творчества Юрия Израэловича Мкртумяна. О научных аспектах, повторяю, можно узнать из списка трудов. Можно прочесть эти труды и самому составить свое мнение. Этим, собственно, и ограничивается, как правило, наше мнение о творчестве ученых успешных поколений. Мы знаем, что они написали. Мы знаем это довольно детально. Но мы не знаем, как они это писали. Мы не знаем, как они жили, когда это писали. Это из текста самих трудов неясно. И именно этот пробел я и хотел восполнить своими воспоминаниями.

Литература

Мкртумян 1978 – Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур: Матер. симпоз. Ереван, 1978.

S.A. Arutiunov. In Memory of Yuri Israelovich Mkrtumian

The essay is devoted to Yuri Israelovich Mkrtumian (1939–2005), an Armenian ethnographer who played a significant role in the development of the modern school of Armenian ethnography. The author speaks about Mkrtumian's scholarly works, social and political activities, pedagogic experience and teachings, as well as personal human qualities.

НА САЙТЕ ЖУРНАЛА

Уважаемые читатели, обратите внимание, что на Интернет-сайте журнала в разделе *Этнографическое обозрение Online* (<http://journal.iea.ras.ru/online>) опубликованы следующие материалы:

- *А.В. Жукова. Об этническом темпераменте японцев в связи с изменениями музыкально-исполнительской культуры в XX–XXI вв.*
- *Список основных научных трудов Н.Ф. Мокшина*
- *Список основных научных трудов Р.К. Уразмановой*
- *Список основных научных трудов О.М. Фишман*
- *Список основных научных трудов Р.Г. Кузеева*
- *Список основных научных трудов Ю.И. Мкртумяна*